

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА, или ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ

Роберто АЛЕССИ,
Марта ФЛАВИ

«ДЖЕНТЕ», МИЛАН.

Джульетта Мазина — актриса, жена Федерико Феллини с 30 октября 1943 года. Целая жизнь, прожитая рядом с человеком, который необычайно привязан к ней. Во время нашей беседы Федерико звонил ей по меньшей мере четыре раза в общем только лишь затем, чтобы услышать ее голос, который мы все знаем по фильмам «Дорога», «Ночи Кабирии», «Джульетта и духи», «Джинджер и Фред»...

ИХ ЖИЗНЬ — это история великой любви, в которую просто трудно поверить. Конечно, в мире кино режиссеры и актрисы часто любят друг друга (Росселлини любил Анну Маньяни и Ингрид Бергман; Ингмар Бергман любил Лив Ульман). Но затем чаще всего наступает расставание. Любовным историям, даже самым красивым, приходит конец; они становятся воспоминаниями. А вот любовная история Джульетты и Федерико продолжается уже почти столетие.

Как же это началось? В гостиной своего дома на виа Маргутта, где супруги живут уже более тридцати лет, Джульетта Мазина вспоминает прошлое — ужасные военные годы и тот день, когда она познакомилась с Федерико.

— Моя первая встреча с Федерико состоялась по телефону, — говорит она, — судя по всему, ей и сейчас приятно вспомнить об этом.

— По телефону?

— Да. Я училась в университете на втором курсе филологического факультета и играла в университетском театре, который назывался «Театро дель'Атенео». Я тогда уже решила для себя, что буду актрисой, хотя сначала думала последовать совету моей матери, преподавательницы, и окончить университет. Как только поступила в университет, наш театр объявил набор среди студентов. Я откликнулась на это объявление, сдала экзамены «на актрису», меня приняли в труппу, и, таким образом, сразу началась моя артистическая деятельность, почти профессиональная. Еще до этого, в монастыре урсулинок св. Анджелы Меричи, где училась раньше, я много раз играла в любительских спектаклях. Мы ставили пьесы в основном на религиозные темы, но среди них попадались также комедии Гольдони вроде «Семьи антиквария».

Итак, меня приняли в «Театро дель'Атенео», я дебютировала, причем с большим успехом. На премьеры приходили критики, влиятельные особы, и через несколько месяцев мне как-то позвонил Герардо Герарди, который был директором самого крупного римского драматического театра того времени — «Стабиле дель'Элизео». Они искали молодую актрису на роль эльфа Пэка в пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь», которую ставил Джаннини, и Герарди, видевший меня в «Театро дель'Атенео», предложил мне контракт сроком на три года. Я, естественно, чуть с ума не сошла от радости: в 19 лет получить предложение, которое позволяло работать с самыми талантливыми итальянскими актерами!

Я рассказала об этом предложении дома, но мои родные ответили решительным отказом.

— Нет, — сказали они, — сначала получи высшее образование, а пока выступай в студенческом театре и даже думать не смей о том, чтобы бросить университет.

Я, конечно, страшно расстроилась, хотя сейчас благодарю судьбу за это решение моей семьи.

Вскоре дирекция Римского радио предложила мне стать актрисой музыкального радиотеатра, руководимого Чезаре Каваллотти. Я согласилась и, полагая, что радио будет для меня хорошей школой и поможет избавиться от моего болонского выговора, отправилась к Чезаре Каваллотти на улицу Боттеге Оскуре, где тогда размещалось Римское радио, и сказала ему, что готова принять его предложение при условии, что работа не помешает мне продолжать учебу и участвовать в одном-двух спектаклях студенческого «Театро дель'Атенео».

Он ответил, что не возражает.

Меня пригласили специально для новой программы. Каждую неделю брали какую-нибудь тему, например, «Свадебное путешествие», «Переезд на новую квартиру», «Вексель», и три писателя-юмориста писали одну-единственную пьесу на эту тему. В роли драматургов подвизались Марчелло Маркези, Стено и Федерико Феллини. В пьесах действовали два постоянных персонажа — молодые новобрачные Чико и Паллина, которые каждую неделю переживали какую-нибудь смешную историю. Я играла роль Паллины, 17-18-летней новобрачной, сталкивающейся с многочисленными проблемами. Таким образом, Федерико писал для меня, но я с ним знакома тогда не была.

— Значит, Феллини писал для Мазины, не зная ее?

— Но я знала, что тексты сочиняет молодой журналист, сотрудник юмористической газеты «Марк Аврелий», которую дома у нас, естественно, не читали, так как она была слишком смелой. А вот мои товарищи по учебе, которым я сказала, что пьесы для меня пишет некий Федерико Феллини, пришли в восторг и даже немного завидовали мне, потому что он пользовался большой популярностью благодаря его карикатурам и всему тому, что он писал как журналист. И вот однажды мне позвонил по телефону этот самый синьор Федерико Феллини...

Федерико уже тогда сотрудничал с итальянским кино, писал юмористические сценки для фильмов, где играл Альдо Фабрици. Он участвовал также в создании сценария фильма «Последняя карета», в котором снимались Маньяни и Фабрици. И вот этот писатель звонит мне домой! Представившись, он похвалил меня за игру в радиоспектаклях и сообщил, что нашел продюсера, желающего сделать фильм о новобрачных Чико и Паллине. Он будет называться «Каждый день — воскресенье». Федерико сказал, что хочет познакомиться с исполнительницей роли Паллины, пользующейся таким успехом, чтобы убедиться, подходит ли ее внешность для этой роли и в кино. Он добавил, что сначала хочет получить мои фотографии.

После телефонного звонка, который меня безумно взволновал, я тут же отправилась к одному из самых лучших фотографов того времени. Моя служанка отнесла фотографии на улицу Никотера, где тогда жил Федерико.

Затем он позвонил снова, сообщив, что фотографии его вполне устраивают, потому что мое лицо, довольно круглое и немного смешное, отлично подходит для роли Паллины, но он хочет все-таки познакомиться со мной лично. Мы договорились встретиться у здания Римского радио.

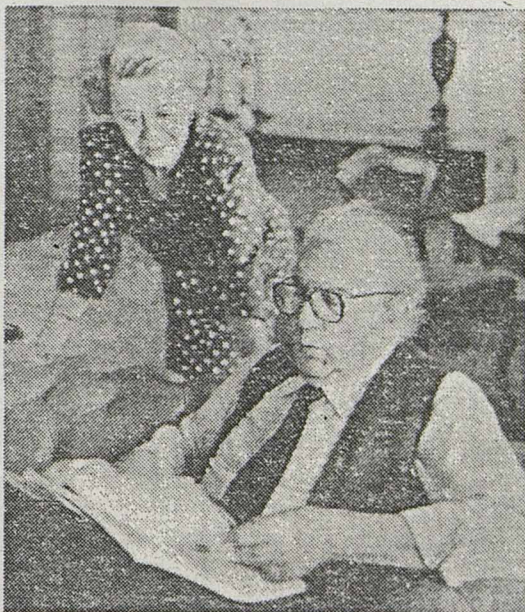
— Пообедаем вместе, — сказал Федерико, — и поговорим о фильме.

Он предложил встретиться в 14 часов.

Я не могла сказать родным, что иду в ресторан с незнакомым молодым человеком, и потому вышла из дома, сославшись на то, что у меня лекция в университете. Это была самая серьезная ложь в моей жизни, но она принесла мне счастье. Помню, я чего-то поела дома, затем вышла на улицу и в 13 часов 45 минут уже стояла у здания Римского радио.

— Что вам сейчас вспоминается прежде всего?

— Помню, как он был одет: черные мокасины, серые брюки с отворотами, чуть коротковатые; белая рубашка с галстуком и темно-серый пиджак; легкий плащ бежевого цвета и черная фетровая шляпа. В целом он не производил впечатления обеспеченного человека. Обращали на себя

Федерико Феллини и Джульетта Мазина в домашней обстановке.

Фото «Дженте», Милан.

внимание его прекрасные черные, очень густые волосы, чуть длиннее, чем носили все. Я думаю, Федерико первым в Италии стал носить длинные волосы. Увидев Феллини издали, я сразу узнала его. Узнала потому, что мои приятели-студенты описали его, основываясь на карикатурах в его юмористической газете, в которых он изображал самого себя. Это был очень высокий и худой, а вернее будет сказать, просто тощий молодой человек. Я была намного ниже его, весила тогда, как и сейчас, 46—47 килограммов, не больше.

— Я — Федерико Феллини, — сказал он мне.

— А я — Джульетта Мазина.

Мы медленно двинулись по направлению к проспекту Умберто, а затем повернули к улице дель Тритоне. Там неподалеку был изысканный и дорогой ресторан. Он привел меня именно туда.

Я пришла в ужас и мысленно говорила себе:

— Да разве сможет человек, одетый так, как он, оплатить счет в подобном заведении?

Хорошо еще, что у меня с собой было немного денег. Мы сели за столик, и я увидела, что официанты, все в белых пиджаках, элегантные, как это положено в дорогом ресторане, встретили нас приветливыми улыбками. Но я не могла понять, то ли они насмеяются над нами, то ли относятся к нам чересчур серьезно. Временами, впрочем, казалось, что они хорошо знают и уважают Федерико, этого тощего молодого человека, который, несмотря на его одежду, немного напоминал мне лорда Байрона. Несмотря на все, мое первое впечатление было положительным, весьма положительным. И я говорю это сейчас, 47 лет спустя.

— Ну и как же все-таки прошла ваша первая встреча?

— Мне было немного не по себе, когда мы сели за столик. Так как я уже поела дома, но главное, чтобы не вводить Федерико в большие расходы, я заказала себе только овощной суп, а Федерико — самые разные закуски, наверное, очень дорогие; я к ним только чуть прикоснулась. Затем он потребовал лазанью, а я — блюдо из шпината, так что он удивленно спросил:

— Извините, синьорина, вы случайно не вегетарианка?

А я в ответ:

— Нет, нет. Просто я прямо из университета, немного устала и потому не очень хочу есть.

После этого он заказал жаркое, но я едва его попробовала, потому что никак не могла отделаться от мысли о счете. А когда нам подали счет, я сказала:

— Давайте по римскому обычаю заплатим каждый за себя.

— Ну что вы, синьорина, как можно!

Он сунул руку в карман своего простенького пиджака и вытащил толстую пачку ассигнаций. При виде этих денег я застыла от удивления. Он заплатил по счету, дал щедрое чаевые, и только тут я поняла до конца, что официанты и в самом деле отлично знали его.

Вот такой была моя первая встреча с Федерико Феллини. Во время обеда мы, естественно, говорили о фильме, который собирался снять некий продюсер, и Федерико назначил мне еще одну встречу, потому что, как он сказал, он хочет познакомить меня с этим продюсером.

Так мы стали встречаться. Он заходил за мной на радио, был со мной необычайно любезен и внимателен. Как-то я сказала моей тете, что познакомилась с журналистом, который пишет для меня тексты, и мы пригласили его к нам домой на обед. Федерико прислал мне корзину чудесных цветов и крошечного щенка-спаниеля, а моей тете — другую корзину цветов и двух гусей. У меня всегда были собаки, но я ему об этом никогда не говорила, так что Федерико проявил поразительную интуицию. Я и сейчас очень люблю животных, хотя не могу держать их в этой квартире, где полы покрыты паласами. Эти два подарка Федерико — мне и тете Джульетте — очень тронули меня.

— Когда вы заговорили о любви?

— У нас не было никакого признания в любви; мы считали почти само собой разумеющимся, что влюблены друг в друга и никогда не расстанемся. И потом не следует забывать, что шла война, что мы, молодые, переживали очень трудный, очень тяжелый период, горячо надеясь, что скоро все это кончится и наступит мир. Именно эта надежда на будущее и связывала меня с Федерико, помимо общих интересов...

— Где на первом месте было кино?

— Я тогда еще не думала о кино. Я любила только театр, думала только о театре. И в кино я в конце концов начала сниматься не у Федерико, а у Альберто Латтуады, у которого дебютировала в фильме «Без жалости». Латтуаде нужна была блестящая актриса, комедийная и одновременно трагедийная. Меня он видел в театре. Латтуада пригласил меня, но не на роль главной героини, а на другую, тоже, впрочем, очень важную роль. Во время съемок «Без жалости» я уже была замужем. Я вышла замуж за Феллини 30 октября 1943 года, через несколько месяцев после нашей первой встречи.

— Расскажите о вашей свадьбе.

— Свадьба состоялась дома — не в нашем нынешнем доме, а в том, где я жила до замужества, рядом с монсеньором Корнаджа Медичи, который знал меня с детства и из-за своего почтенного возраста имел от церковных властей разрешение служить мессу у себя дома. В то время Федерико скрывался, ибо не хотел ехать в Венецию, куда перевела свою штаб-квартиру фашистская киноиндустрия, и потому он опасался репрессий. Монсеньор Корнаджа Медичи, прелат собора Санта Мария Маджоре, обвенчал нас в своей маленькой домашней часовне без публичного оглашения в церковном приходе. Вот так мы и поженились.

Из наших родных на свадьбе присутствовали только моя тетка Джулия и брат Федерико — Риккардо. После венчания — небольшой прием, для которого все было куплено на «черном рынке». Никакого свадебного путешествия не было: мы просто восемь дней провели вдвоем, не выходя из дома. Таким был наш «медовый месяц». Мы поселились вместе с моей тетей в квартире, где я жила до свадьбы. Федерико приходилось скрываться. Время было жестокое. Вскоре его схватили немцы, и ему лишь чудом удалось бежать.

— Это вы настояли на церковном браке?

— Не знаю. Я — верующая католичка, хотя у меня бывают периоды серьезных сомнений. Но когда у меня наступает душевный кризис, я обращаюсь за помощью к Богу. И всегда после моих душевных кризисов, полных сомнений, я вновь обретаю веру.

Это от матери я унаследовала приверженность религиозным обычаям. Один из братьев мамы, между прочим, был священником, а ее дядя даже состоял епископом в городе Треviso. Во всех добродетельных венецианских семьях кто-нибудь обязательно становится священником. Но моя религиозность, моя приверженность вере не связаны только с семейной традицией: это мое, глубоко личное чувство. Я, кроме того, верила в брак и верю в него. Федерико, мне кажется, в этом похож на меня: если уж он терпел меня 47 лет, надо думать, какая-то причина этому есть.